ДВА ПЕДАГОГА.

(Изъ школьныхъ воспоминаній).

По ШКОЛЬНОМУ воспитанію моему я принадлежу двумъ петербургскимъ гимназіямъ: четвертой (Ларинской) и пятой. Въ первую я поступилъ въ 1852 году во 2-й классъ и пробылъ въ ней четыре съ половиною года. Нигдѣ не засиживаясь въ классахъ и постоянно переходя изъ класса въ классъ съ похвальными листами, я благополучно добрался до шестаго класса; но именно въ этомъ классѣ (въ январѣ 1856 года), когда я былъ уже почти семнадцатилѣтнимъ юношей, со мной случился довольно непріятный эпизодъ, причинившій мнѣ не мало горя и вынудившій меня къ переходу изъ Ларинской гимназіи въ пятую, въ тотъ же шестой классъ [1]).

Большая часть моего гимназическаго воспитанія относится, слѣдовательно, къ тому Николаевскому времени, о которомъ у насъ привыкли судить вообще довольно пристрастно, въ особенности, когда рѣчь заходитъ о школьномъ воспитаніи и

[1]) Этотъ эпизодъ былъ нѣкогда описанъ мною въ фельетонѣ «Петерб. Вѣдомостей» (іюнь, 1864 г.) подъ заглавіемъ «Изъ недавняго педагогическаго прошлаго». Суть эпизода заключалась въ слѣдующемъ. По какому-то особому и весьма немудрому рѣшенію учебнаго начальства рождественскіе каникулы намъ были сокращены; мы должны были прійти въ классы не 7-го января, а 2-го. Вслѣдствіе совпаденія праздниковъ съ воскреснымъ днемъ приходилось такъ: прійти въ субботу, потомъ во вторникъ, а въ среду было Крещенье. Мы и согласились во вторникъ не приходить. Двое изъ товарищей, Д. и З., измѣнили общему уговору и пришли. На вопросъ начальства, почему не пришли другіе, они прямо отвѣчали, что «Полевой уговорилъ не приходить». Директоръ гимназіи, высокоумный нѣмецкій педагогъ, предложилъ мнѣ «или принять розги, или выйти изъ гимназіи». Я, конечно, розогъ не принялъ (мнѣ былъ 17-й годъ) и перешелъ въ пятую гимназію.

обученіи того времени. Но я, по моимъ воспоминаніямъ и по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ близкаго знакомства съ двумя гимназіями, рѣшительно не вижу никакой разницы между тогдашними гимназіями и нынѣшними. Въ современномъ гимназическомъ воспитаніи и образованіи вижу также не мало недостатковъ и пробѣловъ, какъ и въ прежнемъ, вижу также много темныхъ сторонъ и—увы!—не вижу очень многихъ прекрасныхъ сторонъ прежняго гимназическаго быта. Въ нынѣшнихъ гимназіяхъ встрѣчаемъ болѣе внѣшняго, формальнаго порядка, болѣе усовершенствованные педагогическіе пріемы, болѣе систематическое распредѣленіе преподаванія по классамъ; но не видимъ прежнихъ педагоговъ, не видимъ типа прежнихъ учителей, которые сживались со своими учениками, роднились съ ними, вступали въ самыя тѣсныя связи и, съ любовью относясь къ своему дѣлу преподаванія, съ самымъ искреннимъ участіемъ слѣдили за успѣхами своихъ учениковъ. Я вовсе не хочу этимъ сказать, что прежде учителя въ гимназіяхъ были лучше нынѣшнихъ: и въ прежнее время, точно также, какъ и теперь, были между учителями и хорошіе, и дурные... Я даже готовъ допустить, что теперь составъ учителей ровнѣе, что въ общемъ среднемъ выводѣ (мы живемъ въ вѣкъ пристрастія къ статистическимъ выводамъ!) теперь, въ кругу гимназическихъ учителей, наберется болѣе изрядныхъ и даже недурныхъ преподавателей и менѣе положительно дурныхъ и ни на что не пригодныхъ. Но зато въ той же средѣ мы видимъ теперь болѣе педагоговъ-ремесленниковъ и менѣе педагоговъ по призванію: видимъ несомнѣнно менѣе превосходныхъ учителей, способныхъ вложить всю душу въ преподаваніе и посвятить всю жизнь свою скромной педагогической дѣятельности. Изъ массы учителей, промелькнувшихъ передъ моими глазами втеченіе шестилѣтняго пребыванія въ Ларинской и въ пятой гимназіи, изъ массы характеровъ и типовъ, живо и рельефно врѣзавшихся мнѣ въ память, особенно ярко выступаютъ, особенно ясно и опредѣленно представляются мнѣ два типа учителей-педагоговъ, о которыхъ я вспоминаю съ величайшею признательностью и къ памяти которыхъ отношусь съ глубочайшимъ уваженіемъ. То были: Николай Павловичъ Корелкинъ и Александръ Николаевичъ Бѣляевъ. Съ Н. П. Корелкинымъ я близко сошелся въ Ларинской гимназіи, гдѣ онъ былъ преподавателемъ русской словесности; съ А. Н. Бѣляевымъ судьба столкнула меня въ 5-й гимназіи, гдѣ онъ въ 1856 г. былъ уже инспекторомъ.

I.

Н. П. Корелкинъ преподавалъ въ среднихъ и старшихъ классахъ гимназіи, поэтому я и не могъ попасть въ число учениковъ его ранѣе перехода въ IV классъ, въ которомъ мѣнялся весь со-

ставъ учителей. Можетъ быть, поэтому именно IV классъ считался у насъ очень труднымъ, и даже существовала такая традиція, что ужъ кто «пройдетъ IV классъ благополучно, тотъ непремѣнно гимназію окончитъ». Не знаю, какъ подѣйствовалъ переходъ въ этотъ классъ на другихъ моихъ товарищей, но на меня онъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе. Мнѣ показалось, что меня изъ темнаго, душнаго и сыраго подвала перемѣстили въ просторную, чистую и свѣтлую квартиру... До такой степени успѣли мнѣ надоѣсть за послѣдніе два года учителя младшихъ классовъ — народъ, большею частью, безличный, сѣренькій, пополняемый какими-то педагогическими неудачниками или иноземцами весьма сомнительнаго качества. Напротивъ того, при переходѣ въ IV классъ, я сразу столкнулся съ цѣлымъ рядомъ новыхъ личностей, изъ которыхъ многіе производили самое пріятное, даже отрадное впечатлѣніе. Дѣйствительно, составъ учителей въ этомъ классѣ могъ бы назваться образцовымъ, если бы въ число ихъ, благодаря нѣмецкому начальству гимназіи [1]), не замѣшался нѣкій Порешъ (преподаватель нѣмецкаго языка), человѣкъ глупый, неспособный, почти постоянно пьяный, и потому служившій цѣлью нескончаемыхъ насмѣшекъ и весьма неприличныхъ выходокъ со стороны учениковъ. Но этотъ жалкій Пòрешъ совершенно стушевывался и казался почти непримѣтнымъ среди такихъ почтенныхъ преподавателей, какъ священникъ Березинъ, какъ французъ Тами (отличный лингвистъ), какъ латинистъ Базъ; притомъ, хорошій старый составъ учителей былъ незадолго до 1854 года обновленъ и пополненъ новыми, молодыми силами: въ Ларинскую гимназію вступили преподавателями: Н. П. Корелкинъ, М. М. Стасюлевичъ и И. Ѳ. Петрушевскій, только что окончившіе курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ.

Помню, что Стасюлевичъ, преподававшій древнюю исторію, привлекъ меня на нѣкоторое время щеголеватою фразою и гладкою формою своего изложенія; помню, что Петрушевскій поразилъ меня необычайною ясностью и простотою объясненія геометрическихъ теоремъ и безусловною справедливостью оцѣнки нашихъ знаній; но болѣе всѣхъ очаровалъ меня Корелкинъ...

Какъ только онъ вошелъ къ намъ въ классъ и обвелъ насъ своимъ добрымъ взглядомъ, желая бѣгло ознакомиться съ общимъ составомъ класса,—такъ ужъ многіе почувствовали, съ кѣмъ мы будемъ имѣть дѣло... Мягкія черты его лица, не отличавшагося красотою, его чрезвычайно добродушная улыбка и очень пріятный грудной голосъ,—все это было для насъ въ высшей степени симпатично. Притомъ въ манерахъ его, въ обращеніи съ учени-

---

[1]) Директоромъ гимназіи былъ нѣкто Фишеръ, профессоръ философіи и педагогики при С.-Петербургскомъ университетѣ.

ками, въ изложеніи предмета, въ чтеніи и во всѣхъ пріемахъ преподаванія, не было замѣтно ни тѣни той противной учительской рутины, которая такъ ужасно надоѣла намъ въ младшихъ классахъ. Корелкинъ (въ противоположность большинству учителей младшихъ классовъ) поразилъ насъ своею необыкновенною вѣжливостью и даже нѣкоторою застѣнчивостью въ обращеніи съ нами; никому онъ не говорилъ «ты», а непремѣнно «вы», а если сердился, то даже и «вы-съ»... Эта утонченная вѣжливость дѣйствовала на насъ прекрасно, вызывая и насъ къ подражанію и возбуждая въ насъ чувство глубокаго уваженія къ молодому преподавателю. Мы ясно видѣли, что этотъ преподаватель смотритъ на насъ не какъ на сплошную массу, не какъ на стадо, не какъ на матеріалъ для педагогическихъ опытовъ: мы понимали, что въ каждомъ изъ насъ онъ видитъ человѣка съ опредѣленною нравственною физіономіею, съ опредѣленнымъ запасомъ силъ и способностей, и каждому изъ насъ въ одинаковой степени старается помочь въ достиженіи опредѣленнаго уровня свѣдѣній... Мы видѣли, что онъ къ намъ присматривается, что онъ насъ наблюдаетъ, что онъ умѣетъ каждаго оцѣнить и понять какимъ-то удивительно-тонкимъ чутьемъ и что онъ ни къ кому не предъявляетъ никакихъ чрезмѣрныхъ, непосильныхъ требованій. Это въ высшей степени важное условіе преподаванія подѣйствовало благотворно даже на самыхъ закоренѣлыхъ лѣнтяевъ; они сначала попробовали было и у Корелкина лѣниться и не готовить уроковъ, но онъ ихъ поразилъ неожиданностью. Вмѣсто того, чтобы поставить обычный нуль или единицу и отпустить на мѣсто,—такъ сказать: «подписано, и съ рукъ долой»,—Корелкинъ задерживалъ лѣнтяя на нѣсколько минутъ у каѳедры для довольно непріятнаго объясненія:

— А вѣдь вы-съ ничего не знаете-съ!—говорилъ онъ просто и даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ сожалѣнія.

Лѣнтяй, конечно, молчалъ, ожидая постановки дурнаго балла.

— А вѣдь это-съ очень жаль-съ!.. Потому вы и сами теряете время, и меня заставляете терять... И вотъ я вамъ сегодня ничего поставить не могу-съ! Извольте мнѣ къ слѣдующему разу приготовиться: я васъ непремѣнно вызову-съ!

Лѣнтяй, обманутый въ своихъ ожиданіяхъ единицы и рутинныхъ укоровъ, уходилъ отъ каѳедры, словно ошпаренный. Ему и въ голову не приходило окинуть насъ торжествующимъ и пренебрежительнымъ взглядомъ, въ которомъ ясно выражалось: «вотъ какой я молодецъ—еще получилъ единицу! Да развѣ меня этимъ проймешь: мнѣ это все наплевать!». Напротивъ того, ему какъ-то совѣстно было смотрѣть на товарищей, которые явно были имъ недовольны за то, что онъ разсердилъ кроткаго и незлобиваго Корелкина... И что же? На другой урокъ тотъ же лѣнтяй или самъ

вызывался отвѣчать, или, вызванный Корелкинымъ, оказывался знающимъ урокъ. Болѣе всего мы были поражены тѣмъ, что Корелкинъ заставилъ учиться даже такого закоренѣлаго лѣнтяя, какъ Эк.—, который не учился ничему еще съ третьяго класса, собираясь покинуть гимназію и поступить въ юнкера... Бывало, онъ страшно надоѣдалъ намъ своею обычною пѣснею, которую горланилъ во всѣ перемѣны между уроками:

«Прощайте, стѣны голубыя!
Готова сѣрая шинель»...

И вдругъ, Эк.—, два-три раза пристыженный Корелкинымъ, взялся за умъ и началъ заниматься изученіемъ церковно-славянскихъ склоненій и спряженій!.. И это чудо совершилось на нашихъ глазахъ не при помощи записыванія въ журналъ, оставленія въ въ классѣ, дурныхъ балловъ и всякаго рода взысканій, а при посредствѣ простаго воззванія къ тѣмъ добрымъ и хорошимъ сторонамъ человѣческой души, которыя никогда не глохнутъ совершенно, даже и подъ самою грубою внѣшнею оболочкою. И я до сихъ поръ отлично помню, какъ совершилось это чудесное обращеніе Эк—а, на котораго давно уже махнули рукою всѣ остальные учителя.

Первое увѣщаніе на Эк—а не подѣйствовало. Онъ и на слѣдующій разъ явился, не приготовивъ урока. Передъ приходомъ Корелкина въ классъ Эк—ъ даже хвалился этимъ и прибавлялъ, обращаясь къ намъ:

— Стану я ему готовить! Пусть ставитъ нуль и чортъ съ нимъ... Надоѣстъ и отстанетъ...

Явился Корелкинъ и тотчасъ вызвалъ Эк—а къ каѳедрѣ.

— Ну-те-съ! Отвѣчайте!

Молчаніе и сумрачный взглядъ, упорно устремленный въ стѣну.

— Вы опять не приготовились-съ?.. Не захотѣли труда приложить... А дѣло совсѣмъ пустое: каждый ребенокъ въ полчаса выучитъ... А вы вѣдь ужъ взрослый юноша, и не безъ способностей. Я это вижу и понимаю...

Эк. былъ дѣйствительно старше всѣхъ въ классѣ и сразу покраснѣлъ отъ напоминанія о его великовозрастности.

— Я не хочу учиться: я хочу въ военную службу идти,— грубо буркнулъ онъ Корелкину, отворачиваясь отъ него въ сторону.

— Позвольте-съ... Кто же вамъ мѣшаетъ идти въ военную службу? Прекрасная служба—лучше многихъ другихъ. Но зачѣмъ же вы думаете, что въ военную службу должны поступать одни только неучи? Это ужъ совсѣмъ неправильно... невѣрно-съ!

И пошелъ, и пошелъ на эту тему... Потомъ вдругъ оборвалъ на полусловѣ и, обращаясь къ Эк—у, спросилъ его совершенно неожиданно и серьезно:

— А живы ли у васъ родители?

— Мать жива,—какъ-то нерѣшительно отвѣчалъ озадаченный этимъ вопросомъ Эк—ъ.

— Такъ вотъ что я вамъ скажу: если вы мнѣ не станете готовить уроковъ, если будете продолжать лѣниться, я напишу объ этомъ вашей матушкѣ... Думаю, что это очень ее опечалитъ... Садитесь.

Эк—ъ, не ожидавшій этого заключенія, вернулся на мѣсто совсѣмъ растерянный. Куда дѣвалась вся его прежняя самоувѣренность и молодечество?! Онъ былъ до такой степени смущенъ, что просидѣлъ всю слѣдующую перемѣну на мѣстѣ, не шевелясь, а потомъ, сославшись на головную боль, былъ отпущенъ домой.

Въ слѣдующій урокъ Корелкинъ вызвалъ Эк—та еще разъ и спросилъ его изъ всего пройденнаго. И, къ удивленію всѣхъ, Эк—ъ отвѣчалъ довольно изрядно...

Корелкинъ похвалилъ его и сказалъ:

— Вы, кажется, образумились и принялись за дѣло... Дай Богъ! Отъ души этого желаю. И до тѣхъ поръ буду васъ безпокоить каждый урокъ, пока не увижу, что вы сами готовитесь... Тогда вамъ на слово буду вѣрить...

И что же? Эк—ъ сталъ у Корелкина учиться, а затѣмъ, понемножку, сталъ заниматься у другихъ учителей и благополучно перевалилъ изъ четвертаго класса въ пятый.

Благодаря этому необычайному умѣнью Корелкина обращаться съ учениками и угадывать ихъ характеры, благодаря его живому отношенію даже къ такой мертвечинѣ, какъ юсы, какъ дательный самостоятельный и двойственное число,—мы всѣ рѣшили, что у Корелкина «очень легко учиться», и дѣйствительно въ короткое время одолѣли руководство къ церковно-славянской грамматикѣ Перевлѣсскаго и стали даже съ нѣкоторымъ интересомъ разбирать собранныя въ его хрестоматіи тексты Остромірова Евангелія... При этомъ Корелкинъ сдѣлался общимъ любимцемъ всего класса: у него всѣ учились ровно, и въ классѣ сидѣли такъ тихо, такъ внимательно слѣдили за каждымъ его словомъ, за каждымъ замѣчаніемъ, что любо-дорого было со стороны посмотрѣть...

Мое знакомство съ Корелкинымъ началось съ первыхъ же уроковъ. На одномъ изъ нихъ онъ вызвалъ меня и прежде всего спросилъ, не родственникъ ли я «извѣстному литератору Николаю Алексѣевичу Полевому». Я отвѣчалъ, что я его младшій сынъ... Корелкинъ добродушно привѣтствовалъ меня, сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о томъ, какъ онъ въ юности зачитывался произведеніями моего отца, съ какимъ восторгомъ видѣлъ на сценѣ «Парашу Сибирячку»; потомъ спросилъ у меня урокъ.

— Прекрасно-съ! Очень хорошо-съ!—и добавилъ еще нѣсколько словъ о моемъ отцѣ.

Когда потомъ пришлось подавать ему классныя сочиненія, онъ

всегда пользовался случаемъ, чтобы поговорить со мною и разспросить меня о томъ, что̀ я читаю, разузнать, съ какими писателями я знакомъ, къ какому предмету имѣю болѣе пристрастія и т. д. Узнавъ о томъ, что я читалъ вообще очень много, но безъ всякаго разбора и все, что попадалось мнѣ подъ руку, Корелкинъ, видимо, заинтересовался мною, сталъ и внѣ классовъ вступать со мною въ бесѣды и наконецъ сказалъ однажды, какъ бы вскользь:

— А вы бы, Полевой, побывали у меня какъ нибудь... Я буду очень радъ-съ... У меня по пятницамъ кое-кто собираются... Хорошіе люди... Вамъ небезполезно будетъ... Если не соскучитесь, и бывайте.

Само собою разумѣется, что я принялъ это лестное приглашеніе съ восторгомъ и явился въ первый же назначенный день къ Корелкину раньше всѣхъ его гостей. Онъ жилъ въ крошечной квартиркѣ изъ двухъ комнатъ съ прихожей и кухней, на углу 8-й линіи и Средняго проспекта, въ томъ самомъ домѣ, который нынѣ занимаетъ типографія Безобразова. Милаго хозяина я засталъ въ какомъ-то простенькомъ, сѣренькомъ домашнемъ сюртучкѣ, съ обычною его привѣтливою улыбочкою на устахъ. Онъ усадилъ меня около себя, разспросилъ о моей семьѣ, о матери, заставилъ расказать все, что я помнилъ объ отцѣ, а самъ разсказалъ, что онъ уроженецъ одной изъ сѣверныхъ губерній (Олонецкой или Вологодской, не помню), что у него никого изъ родныхъ въ Питерѣ нѣтъ; да и вообще всей родни за нимъ числится, кажется, только одна старушка мать, проживающая чуть ли не въ Петрозаводскѣ... Затѣмъ стали собираться обычные завсегдатаи Корелкинскаго салона, преимущественно учительствующая братія, студенты послѣднихъ курсовъ университета, воспитанники старшихъ классовъ различныхъ учебныхъ заведеній. За стаканомъ чаю завязалась оживленная бесѣда, потомъ поднялись горячіе споры о какихъ-то общихъ вопросахъ въ томъ углу, гдѣ сидѣлъ самъ хозяинъ, и полилась тихая, дѣльная бесѣда между отдѣльными лицами, по уголкамъ. Синеватыя облака Жукова и Бостанжогло наполнили всю квартирку Корелкина, и говоръ, шумъ, смѣхъ не прекращались до самой полуночи, когда гости взялись за шапки и стали прощаться съ милымъ хозяиномъ, который всѣхъ ихъ около себя собиралъ, никого не стѣсняя. Стоило провести два-три часа среди этаго маленькаго салона, стоило взглянуть на общую, истинно-товарищескую непринужденность, съ которою всѣ въ кружкѣ Корелкина относились другъ къ другу, чтобы полюбить и кружокъ, и того, кто былъ его живымъ центромъ. Тонкій умъ, непринужденная веселость, неисчерпаемое добродушіе и удивительная мягкость, съ которою Корелкинъ относился ко всѣмъ, здѣсь проявлялись во всей своей красѣ и въ полномъ своемъ обаяніи. Къ тому же и приманокъ въ салонѣ не было никакихъ, кромѣ

единственной и главной—самого хозяина; не было ни картъ, ни закуски, ни ужина, ничего, кромѣ только чая съ сухарями изъ сосѣдней нѣмецкой булочной и трубки Жукова, или только что входившихъ тогда въ употребленіе папиросъ... А между тѣмъ салонъ былъ всегда полнешенекъ гостями; иногда не доставало мѣста въ общей комнатѣ, и часть гостей перебиралась даже въ крошечный сосѣдній кабинетикъ, заваленный бумагами и книгами и служившій хозяину спальнею. Здѣсь, въ этомъ именно кабинетикѣ, я услыхалъ впервые съ восторгомъ произнесенныя имена Нестора, Ѳеодосія Печерскаго, Сильвестра, Іосифа Волоцкаго и воспринялъ въ душу свою первыя сѣмена любви къ родной старинѣ и народности. Помнится мнѣ въ особенности споръ между Корелкинымъ и еще двоими какими-то завсегдатаями его салона по поводу выхода въ свѣтъ «Областнаго словаря», изданнаго академіею наукъ... Этотъ споръ, въ которомъ всѣ участники обнаружили недюжинное знаніе народнаго говора различныхъ мѣстностей Россіи, заставилъ меня впервые задуматься надъ особенностями народнаго языка и наглядно понять его отличія отъ книжнаго... Помню еще и другой весьма продолжительный споръ по поводу тогда только что явившейся литературной новинки—второй части «Мертвыхъ душъ» Гоголя,—споръ, который натолкнулъ меня на пониманіе значенія критики и незамѣтно, при помощи Корелкина, перевелъ къ чтенію Бѣлинскаго... Я бы, вѣроятно, долго не кончилъ перечисленія всѣхъ тѣхъ хорошихъ началъ и задатковъ будущаго, которые я вынесъ изъ тѣснаго сближенія съ моимъ дорогимъ учителемъ и его милымъ салономъ, если бы сталъ все припоминать здѣсь, въ этой краткой замѣткѣ... Скажу короче: Корелкинъ заставилъ меня впервые задуматься относительно пути, которой мнѣ предстояло избрать въ будущемъ, а нѣкоторые изъ завсегдатаевъ его салона окончательно утвердили меня въ намѣреніи поступить по окончаніи гимназіи именно на филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Особенно много способствовалъ этому милѣйшій К. І. Люгебиль, тогда еще только что окончившій курсъ университета и добивавшійся учительскаго мѣста въ Петербургѣ. Проговоривъ со мною въ одну изъ Корелкинскихъ пятницъ цѣлый вечеръ, онъ предложилъ мнѣ «даромъ» давать уроки греческаго языка, для того, чтобы я могъ быть впослѣдствіи студентомъ-филологомъ [1]). Здѣсь же встрѣтился я впервые со многими тогда еще очень молодыми людьми, а впослѣдствіи весьма почтенными литературными, учеными и общественными дѣяте-

[1]) Въ то доброе старое время греческому языку обучали только въ 3-й гимназіи; въ остальныхъ даже латынь начиналась съ IV-го класса; тѣмъ не менѣе и Цицерона, и Горація читали въ старшихъ классахъ не хуже нынѣшняго.

П. П.

лями, которые тогда уже бесѣдовали со мною какъ со взрослымъ и многое внесли въ мое сознаніе изъ того, что, можетъ быть, только уже гораздо позднѣе было бы пріобрѣтено, если бы судьба не свела меня съ достойнымъ Корелкинымъ и его милымъ кружкомъ.

Никогда не забуду того участія, съ какимъ относился ко мнѣ мой учитель, стараясь удовлетворить по возможности той ненасытимой жаждѣ чтенія, которою я положительно страдалъ въ тотъ ранній періодъ моего развитія. Корелкинъ и давалъ мнѣ книги, и указывалъ на книги, которыя слѣдовало бы прочесть, по его мнѣнію, и говорилъ со мною о книгахъ, объ авторахъ, объ отдѣльныхъ произведеніяхъ, объ отдѣльныхъ вопросахъ, возбуждавшихся чтеніемъ... И какъ онъ умѣлъ чудесно поощрять меня къ работѣ умственной, къ выработкѣ слога, къ обогащенію запаса памяти живыми образами, которые незамѣтно, но тѣсно, были связаны съ знаніемъ мертвыхъ фактовъ. Какъ онъ умѣлъ приласкать словомъ поощренія, а иногда подбодрить мое юношеское, очень чуткое самолюбіе, или указать мысли въ опредѣленномъ направленіи къ намѣченной имъ цѣли! И какъ искренно радовался, когда его педагогическій маневръ вполнѣ удавался и приносилъ ему новое доказательство правильности его системы и его наблюденій.

Такъ длились наши отношенія втеченіе почти полутора года; я бывалъ у Корелкина и на его пятницахъ, не пропуская ни одной, и еще ухитрялся забѣгать къ нему раза два въ недѣлю, подъ разными предлогами, но главнымъ образомъ потому, что чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ этому доброму, милому, сердечному человѣку, который отличался и еще однимъ въ то время весьма дорогимъ для меня качествомъ... Онъ былъ вполнѣ русскій человѣкъ, выросшій въ простой русской провинціальной средѣ, далекой отъ всякой иноземщины [1]) и того внѣшняго европеизма, которымъ такъ блисталъ и хвалился въ то время Петербургъ. Все, что Корелкинъ говорилъ и думалъ, было у него собственное, свое, не вычитанное изъ книжекъ, не принятое на вѣру съ чужаго голоса, не выкроенное по мѣркѣ модныхъ философскихъ ученій и теорій. Онъ составлялъ въ то время довольно еще рѣдкое явленіе, представляя своею нравственною личностью русскаго кореннаго человѣка, который во всѣхъ вопросахъ науки и жизни прежде думалъ о Россіи и русскихъ, а Европу и все европейское отодвигалъ на почтительное разстояніе... Дорожа въ себѣ и въ другихъ болѣе всего этою русскою основою, Корелкинъ именно и во мнѣ способствовалъ ея развитію въ весьма значительной степени, хотя въ ту пору, увлеченный знакомствомъ съ произведеніями великихъ западныхъ писателей, я весьма естественно преклонялся

[1]) Не знаю даже, былъ ли Корелкинъ знакомъ съ какими нибудь новѣйшими иностранными языками. П. П.

передъ Европой и былъ еще очень мало способенъ оцѣнить значеніе Россіи.

Когда я былъ уже въ V классѣ гимназіи, Корелкинъ какъ-то простудился и вдругъ сталъ хворать. Къ нему вернулись припадки прежней болѣзни, которая на нѣкоторое время, года на два или даже болѣе, совсѣмъ было поотдала и не напоминала ему о себѣ... Отъ его ближайшихъ пріятелей я услышалъ съ величайшею грустью, что Корелкинъ — человѣкъ обреченный, и что недугъ его не что иное, какъ злѣйшая чахотка...

— Дай Богъ, чтобы дотянулъ до весны, — говорили между собою, по секрету, многіе изъ постоянныхъ пятничныхъ посѣтителей.

Дѣйствительно, Корелкинъ сталъ манкировать въ классы, часто удерживаемый дома болѣзнью; сталъ какъ-то страшно кашлять, задыхаясь и хватаясь за грудь... Его мягкій, пріятный голосъ сталъ тихимъ и хриплымъ; его обычная веселость смѣнилась унынiемъ, которое, видимо, овладѣвало имъ болѣе и болѣе... Даже пятницы его пошатнулись и какъ-то расклеились. Очень часто случалось, что, заходя къ нему по вечерамъ, чтобы узнать о его здоровьѣ, я не могъ его видѣть и просиживалъ нѣсколько минутъ съ его сожителемъ (кажется, землякомъ, съ которымъ онъ нанималъ пополамъ свою квартирку), слышалъ съ содроганіемъ, какъ мучительно кашлялъ онъ въ своемъ крошечномъ кабинетикѣ, надрываясь и прерывая періоды кашля невольно вырывавшимся стономъ.

Къ веснѣ чахотка обратилась въ скоротечную и быстро совладала со своею давно намѣченною жертвою... Корелкина не стало (въ концѣ апрѣля или началѣ мая 1855 года), и вѣсть о его смерти, быстро распространившаяся по всѣмъ классамъ гимназіи, страшно поразила всѣхъ учениковъ дорогаго, незабвеннаго Николая Павловича... Еще болѣе, впрочемъ, поразило насъ то, что самъ директоръ нашъ, сухой, чопорный и важный нѣмецъ-педагогъ, Адамъ Адамычъ Фишеръ, не только выразилъ предъ всѣми нами сожалѣніе о «прекрасномъ» учителѣ, котораго мы лишились, но даже затѣялъ устроить ему торжественныя похороны.... Явленіе, по тому времени, необычайное! Въ день, назначенный для похоронъ, всѣ старшіе классы гимназіи были освобождены отъ уроковъ и вмѣстѣ со всѣми учителями и начальствомъ гимназіи, in corpore, въ чинномъ и строгомъ порядкѣ, послѣдовали за скромными дрогами, на которыя былъ поставленъ гробъ Корелкина. Въ то время, когда дроги выѣзжали изъ-подъ воротъ дома на улицу, какая-то пожилая женщина, очень просто одѣтая, въ темномъ платкѣ на головѣ, подъѣхала къ дому, сошла съ извозчика и, узнавъ, кого хоронятъ, съ воплемъ кинулась на гробъ... Пріѣзжая оказалась матушкой Николая Павловича... Ее слишкомъ поздно извѣстили о томъ, что онъ очень плохъ, и она не успѣла пріѣхать ранѣе къ своему умирающему сыну... Сцена была раздирательь-

ная и страшная, и на всѣхъ насъ произвела очень тягостное впечатлѣніе... Глубоко смущенные и вполнѣ искренно опечаленные, мы проводили скромный гробъ нашего любимаго учителя на Смоленское кладбище и опустили его тамъ въ могилу, надъ которою впослѣдствіи его друзья и пріятели поставили въ складчину скромный памятникъ. Миръ твоему праху, дорогой наставникъ и руководитель первыхъ разумныхъ шаговъ моей юности! Почти сорокъ лѣтъ прошло съ твоей смерти, а ты все еще живъ и крѣпокъ въ воспоминаніи твоихъ признательныхъ учениковъ... Награда, рѣдко выпадающая на долю педагоговъ!

II.

Въ кружкѣ Н. П. Корелкина я часто встрѣчалъ Александра Николаевича Бѣляева, человѣка на видъ лѣтъ 35-ти, небольшаго роста, плотно и крѣпко сложеннаго, съ очень энергическимъ и выразительнымъ, но чрезвычайно простымъ, вполнѣ русскимъ лицемъ. Такія лица часто встрѣчаются въ народѣ между крестьянами и въ средѣ людей, выходящихъ изъ духовнаго званія. Высокій лобъ, нѣсколько горбатый, правильный носъ, тонкія губы и очень острые, сѣровато-голубые глаза, которые всегда смотрѣли серьезно и прямо, изъ-подъ нѣсколько насупленныхъ бровей—вотъ что бросалось съ перваго раза въ глаза въ лицѣ А. Н. Бѣляева. Вглядываясь въ это лицо пристально, наблюдая его нѣкоторое время, можно было замѣтить еще двѣ особенности, двѣ характерныя черты лица: морщинку на лбу, надъ лѣвымъ глазомъ, и какую-то особенную горечь въ улыбкѣ его тонкихъ губъ. Видно было, что этотъ человѣкъ много испыталъ въ жизни и самъ пробилъ себѣ дорогу тяжелымъ трудомъ! Прислушиваясь со стороны къ его разговору, вы убѣждались въ томъ, что это человѣкъ математическаго склада ума — строгій, точный, логически-послѣдовательный въ своихъ выводахъ... Говорилъ онъ мало и коротко, но всегда опредѣленно и чрезвычайно ясно; вступая съ кѣмъ нибудь въ споръ, всегда высказывалъ спокойно свои положенія, но тотчасъ же вскипалъ, когда въ отвѣтъ на эти положенія слышалъ туманныя общія фразы... Морщинка рѣзко обозначалась на лбу его, брови сдвигались сурово, онъ краснѣлъ и тотчасъ переходилъ къ рѣзкому тону. Но если ему не удавалось рѣзкостью образумить своего противника и заставить его перейти къ логически-правильной постановкѣ вопроса; если противникъ продолжалъ «молоть» свое и попрежнему расплывался въ общихъ фразахъ, тогда А. Н. Бѣляевъ нервно пожималъ плечами, смолкалъ и на устахъ его мелькала очень характерная, горькая улыбочка, довольно ясно говорившая:

— Ну его къ чорту! Стоитъ ли съ дуракомъ спорить!

Вообще говоря, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка умнаго, съ

твердымъ, сильнымъ характеромъ, человѣка неколебимыхъ убѣжденій, котораго не обойдешь и не проведешь, и ни за что не заставишь измѣнить его взглядамъ и мнѣніямъ, пока онъ самъ отъ нихъ не откажется, признавъ ихъ неправильными. По складу ума и характера, это былъ человѣкъ совершенно противоположнаго съ Корелкинымъ типа; но это не мѣшало имъ быть очень дружными, тѣмъ болѣе, что они, кажется, были даже земляками и были близки съ юности... Встрѣчаясь съ Бѣляевымъ у Корелкина, я зналъ о немъ только то, что это былъ учитель математики въ которой-то изъ петербургскихъ гимназій; но вступать съ нимъ въ бесѣду мнѣ никогда не случалось. Признаться сказать, я его даже нѣсколько побаивался...

Когда, будучи въ VI классѣ, я вынужденъ былъ въ половинѣ года перейти изъ Ларинской въ пятую гимназію, одинъ изъ первыхъ людей, встрѣтившихся мнѣ при этомъ переходѣ, былъ А. Н. Бѣляевъ. Въ то время, когда я, представивъ бумаги въ пятую гимназію, явился рано утромъ на квартиру директора гимназіи, всѣмъ извѣстнаго педагога, А. А. Воронова, я увидѣлъ А. Н. Бѣляева въ кабинетѣ директора. Но я такъ былъ взволнованъ представленіемъ новому начальству, что даже не поклонился Бѣляеву, который, какъ оказалось, въ то время уже исправлялъ должность инспектора гимназіи; ему и поручилъ Вороновъ отвести меня въ гимназію и посадить въ шестой классъ. И какъ же я обрадовался, когда, выйдя со мною на улицу, Бѣляевъ взглянулъ на меня искоса и сказалъ мнѣ:

— Я, кажется, встрѣчалъ васъ у покойнаго Николая Павловича Корелкина?..

— Какъ же, какъ же!—поспѣшилъ я отозваться, и затѣмъ, на вопросъ Бѣляева, совершенно откровенно изложилъ ему всю исторію, изъ-за которой я вынужденъ былъ къ переходу въ V гимназію.

Съ первыхъ же дней послѣ перехода обстоятельства сложились для меня какъ-то особенно благопріятно, такъ что я даже успѣлъ на первыхъ порахъ отличиться [1]) и обратить на себя особое вниманіе начальства. Притомъ и кружокъ товарищей оказался весьма подходящимъ для меня, и я очень скоро освоился въ новомъ для меня заведеніи. Но, какъ на зло, въ средѣ учителей пятой гимназіи нашелся одинъ совсѣмъ еще юный преподаватель, только что занявшій каѳедру математики и физики, которому я почему-то не понравился... Это былъ весьма извѣстный впослѣдствіи Кр., человѣкъ не безталанный, весьма неглупый, но мелочно-самолюбивый, и, не смотря на свои молодыя лѣта, раздражительный и желчный.

[1]) Отличился я знаніемъ русской исторіи во время посѣщенія гимназіи грознымъ попечителемъ, Мусинымъ-Пушкинымъ... Оказалось, что изъ всего класса я одинъ могъ отвѣтить на всѣ его вопросы.

Преподаватель онъ былъ несомнѣнно-хорошій, можно даже сказать казовый, блестящій; онъ превосходно умѣлъ показать лицомъ весь товаръ своихъ знаній, но въ то же время онъ былъ педагогъ весьма неглубокій, несерьезный, поверхностный. Легко схватывая и усвоивая мелочи, онъ въ то же время неспособенъ былъ углубляться въ самую суть научныхъ теорій, неспособенъ былъ проникаться широкими научными воззрѣніями или сводить отдѣльные, дробные факты къ положительнымъ и яснымъ выводамъ... При такомъ складѣ ума и при весьма непріятномъ характерѣ, Кр. принадлежалъ къ числу тѣхъ рьяныхъ учителей, которые во всемъ кругѣ преподаванія видятъ только свой предметъ, и потому предъявляютъ къ ученикамъ требованія, не всегда удобоисполнимыя. Новымъ товарищамъ моимъ было очень легко заниматься у Кр., потому что въ III, IV и V классахъ они были учениками гораздо болѣе серьезнаго педагога—Бѣляева, который, по общему ихъ отзыву, былъ учителемъ превосходнымъ, невольно вынуждалъ каждаго ученика къ занятію математикой, доводилъ его постепенно до убѣжденія, что «это молъ очень легко, сущіе пустяки: стòитъ только научиться думать...». Но мнѣ курсъ математики и физики въ VI классѣ доставался вообще очень трудно, потому что у меня не хватало прочной математической основы. Въ Ларинской гимназіи, въ младшихъ классахъ, учителя математики были крайне плохи; въ IV классѣ втеченіе года преподавалъ математику Петрушевскій, о которомъ я упоминалъ выше, и я было принялся за нее довольно рьяно. Но въ V классѣ преподавателемъ этого предмета явился нѣкій Гр., человѣкъ глупый, глубоко-невѣжественный и, притомъ, крайне недобросовѣстный; во время класcовъ онъ разсказывалъ намъ различные анекдоты изъ провинціальной жизни, и на экзаменахъ даже передергивалъ и подкладывалъ намъ билеты... Само собою разумѣется, что никто у него ничему не учился, да и учиться-то было невозможно, потому что онъ и самъ не зналъ того, что поставленъ былъ намъ преподавать!... За то, по переходѣ въ VI классъ, когда пришлось приняться за тригонометрію и высшую физику, я очутился какъ въ лѣсу: каждая формула была для меня загадкой, надъ которою я долженъ былъ трудиться, чтобы сознательно усвоить ея смыслъ и сознательно пріурочить ее къ рѣшенію извѣстнаго вопроса. Но такъ какъ во всѣхъ остальныхъ предметахъ я учился очень хорошо и баллы были у меня прекрасные, то и въ математикѣ мнѣ ставили съ грѣхомъ пополамъ средніе баллы. И вдругъ я вынужденъ перейти въ другую гимназію, и прямо попадаюсь въ руки Кр—у, который, по самому складу своего характера, неспособенъ былъ ни къ какому снисхожденію.

Какъ теперь помню нашу первую встрѣчу съ Кр. Онъ вошелъ въ классъ, красивый, свѣжій, щеголевато и даже изящно одѣтый,

раскланялся съ учениками какъ-то особенно любезно, съ улыбочкой, и усѣлся на свое мѣсто, за учительскій столикъ (каѳедръ въ V гимназіи тогда не было). Потомъ, раскрывъ журналъ, онъ заглянулъ въ него и, потирая руки, проговорилъ сладенькимъ тономъ:

— У васъ тутъ, господа, кто-то новенькій есть?

Товарищи указали ему на меня. Я поднялся на своемъ мѣстѣ.

— Пожалуйте-съ къ доскѣ... Вы изъ Ларинской гимназіи?

И на мой утвердительный отвѣтъ отвѣчалъ съ легкимъ наклоненіемъ головы:

— Очень пріятно-съ познакомиться...

Мнѣ чуялось что-то недоброе въ этихъ медовыхъ рѣчахъ, когда я подошелъ къ доскѣ и весьма неувѣренно взялъ мѣлъ въ руки...

Кр. началъ меня спрашивать: задавалъ вопросы, заставлялъ рѣшать задачи, входилъ въ подробности, требовалъ отвѣтовъ по всему курсу физики V класса и послѣ получасоваго экзамена сдѣлалъ такой выводъ:

— Къ сожалѣнію, долженъ вамъ высказать, что ваши знанія очень не блестящи-съ... Проще сказать, вы, вѣроятно, ни математикой-съ, ни физикой-съ совсѣмъ не занимались?

Я отвѣчалъ откровенно, что я очень слабъ въ этихъ предметахъ, но надѣюсь поправиться, принявшись за нихъ серьезно.

— Это будетъ мудрено-съ!—съ улыбочкой съязвилъ Кр. — Мудрено поправиться, когда никакихъ свѣдѣній нѣтъ-съ! И долженъ вамъ прямо сказать: вамъ мудрено будетъ перейти съ вашей подготовкой въ слѣдующій классъ... А впрочемъ, что же? Чудеса бываютъ! Хе, хе, хе!

И онъ посадилъ меня на мѣсто.

Съ тѣхъ поръ началась по отношенію ко мнѣ какая-то систематическая травля. Кр. вызывалъ меня почти каждый классъ, и ужъ никакъ не менѣе двухъ разъ въ недѣлю, а вызывалъ для того, чтобы вышутить, высмѣять меня, выставить меня полу-идіотомъ въ виду всего класса, изощрить на мнѣ все свое дешевое и низкопробное остроуміе. Я готовился добросовѣстно къ каждому уроку, работалъ изо всѣхъ силъ, употребляя на математику и физику половину всего своего внѣкласснаго времени (тѣмъ болѣе, что остальные предметы давались мнѣ легче), и тѣмъ не менѣе результаты получались самые плачевные...

Кр. выслушивалъ мои отвѣты съ притворною серьезностью, въ тактъ моимъ словамъ покачивая головою, приговаривая: «такъ-съ, такъ-съ! прекрасно-съ!»—и когда я оканчивалъ, спрашивалъ меня очень любезно:

— Вы изволили окончить? Наговорили вы очень много-съ; но я все-же не могу вамъ поставить болѣе двухъ балловъ... И то въ видѣ поощренія къ вашимъ неимовѣрнымъ стараніямъ!

И мнѣ опять ставилась двойка со всякими ужимками и хихиканьями...

Много разъ, выдерживая эту муку, я приходилъ въ отчаяніе... Много разъ я чувствовалъ такіе приступы негодованія, что краснѣлъ и блѣднѣлъ, судорожно сжимая кулаки и опуская глаза, чтобы не видѣть торжествующей, улыбающейся, противной физіономіи Кр—а. Я пробовалъ отказываться отъ отвѣтовъ, пробовалъ выходить къ доскѣ и просто говорить, что я сегодня не готовился, хотя и зналъ прекрасно все заданное; но Кр. былъ безпощаденъ! Онъ придумалъ для меня даже особую систему постановки балловъ: ставилъ мнѣ послѣдовательно за мои отвѣты 0, 1 и затѣмъ двойку, «въ видѣ поощренія», какъ онъ выражался... И все хихикалъ, все вышучивалъ!..

А. Н. Бѣляевъ, встрѣчаясь со мною въ корридорахъ гимназіи, остановилъ меня однажды и спросилъ:

— Что это значитъ, Полевой, что у васъ такъ плохо идетъ математика и физика?

Я сознался, что плохо подготовленъ изъ математики, что бьюсь изо всѣхъ силъ, но ничего не могу сдѣлать... О Кр. и его способѣ дѣйствій я умолчалъ.

— Ну, конечно же, если у васъ нѣтъ подготовки, то мудрено вамъ теперь сразу всѣ прорѣхи зашить... И требовать нельзя...

На этомъ разговоръ прервался. Не знаю, говорилъ ли онъ обо мнѣ съ Кр—мъ, но тотъ на нѣкоторое время какъ будто забылъ обо мнѣ и оставилъ меня въ покоѣ; а тутъ наступила довольно поздняя Пасха, и тотчасъ послѣ нея—экзамены. Какія усилія я употребилъ для подготовки курса математики и физики, этого я и передать не могу... Я занимался исключительно этими предметами втеченіе всей Страстной и Святой недѣли и, не довольствуясь курсомъ VI класса, повторялъ, сколько могъ, «зады», стараясь пополнить пробѣлы своихъ знаній; когда же наступили экзамены, я опять-таки отъ всѣхъ предметовъ отнялъ ровно половину времени на приготовленіе курса математики и физики, наизусть вызубрилъ всѣ задачи, вычертилъ всѣ чертежи, пользовался даже обстоятельными указаніями и толкованіями одного изъ моихъ товарищей, которому математика «давалась легко»... Затѣмъ, втеченіе трехъ дней, назначенныхъ на приготовленіе къ экзамену Кр—а, я буквально не пилъ, не ѣлъ и не спалъ: забрался въ самый глухой уголъ сада при томъ домѣ, гдѣ мы жили въ то время [1]), засѣлъ въ бесѣдкѣ и весь отдался своимъ книжкамъ, тетрадкамъ и запискамъ.

---

[1]) А жили мы въ то время въ 10 линіи Вас. Остр., въ домѣ Кайзера, на мѣстѣ котораго въ настоящее время выстроено зданіе «Бестужевскихъ женскихъ курсовъ». При домѣ былъ большой садъ.

Въ концѣ концовъ, отъ этого усиленнаго, спѣшнаго и слишкомъ рьянаго занятія однимъ и тѣмъ же предметомъ втеченіе трехъ дней, безъ всякаго роздыха и отвлеченія въ сторону, у меня въ головѣ образовался какой-то невѣроятный сумбуръ, въ которомъ мнѣ самому было очень трудно разобраться...

Всѣ мои знанія представлялись мнѣ какою-то трясиной, по которой я самъ еще могъ кое-какъ перебраться, перепрыгивая съ кочки на кочку; но стоило только остановить меня или сбить въ отвѣтѣ какимъ нибудь стороннимъ, нечего не значащимъ вопросомъ, и я долженъ былъ неминуемо провалиться и завязнуть въ моей трясинѣ... Вполнѣ сознавая это, я пришелъ на экзаменъ, конечно, въ самомъ мрачномъ настроеніи.

Не мѣшаетъ замѣтить, кстати, что экзаменъ Кр—а былъ поставленъ однимъ изъ послѣднихъ; за нимъ слѣдовали еще два-три пустяшныхъ экзамена, кажется, изъ новѣйшихъ языковъ, и актъ. На всѣхъ предшествующихъ экзаменахъ я получилъ полные баллы и выслушалъ очень лестные отзывы отъ учителей; два послѣдніе экзамена нисколько не страшили меня, потому что съ языками иностранными я былъ хорошо и основательно знакомъ... Слѣдовательно, экзаменъ Кр—а былъ для меня рѣшающимъ мою участь: если бы я получилъ на немъ, въ среднемъ выводѣ, хотя бы 2, я бы могъ еще съ грѣхомъ пополамъ надѣяться на переводъ, при помощи конференціи, въ которой, конечно, большинство голосовъ сложилось бы въ мою пользу...

— Ну, а если Кр. мнѣ и двухъ балловъ не поставитъ?—думалъ я съ замираніемъ сердца.

Экзаменъ начался съ того, что Кр. вызвалъ меня къ столу, съ обычною своей приторною любезностью, предложилъ мнѣ взять три билета—изъ физики, алгебры и тригонометріи, и добавилъ:

— Вотъ вамъ доска. Подумайте, сообразите, пожалуйста, хорошенько то, что вамъ придется отвѣчать; а я покамѣстъ вызову другихъ вашихъ товарищей къ другимъ доскамъ.

Всѣ три билета были «изъ легкихъ», по моему убѣжденію: я могъ на нихъ отвѣтить вполнѣ удовлетворительно... Притомъ же, Кр. за столомъ сидѣлъ не одинъ: около него на креслѣ помѣщался, въ качествѣ ассистента, учитель Захаржевскій, а рядомъ съ нимъ сидѣлъ и А. Н. Бѣляевъ, который, какъ инспекторъ, присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ старшихъ классовъ.

Минутъ десять спустя, Кр. обратился ко мнѣ, съ улыбочкой и потирая руки:

— Ну-съ, не угодно ли вамъ отвѣтить на ваши билеты!

Я началъ отвѣчать, но сейчасъ же былъ сбитъ стороннимъ вопросомъ; затѣмъ другимъ, третьимъ... Отъ меня потребованы были доказательства каждаго слова, провѣрки, толкованія. На все, что я говорилъ, Кр. только улыбался или пожималъ плечами, и чуть только

я начиналъ оправляться отъ смущенія и подходить къ правильному рѣшенію задачи, онъ опять сбивалъ меня въ сторону какимъ нибудь неожиданнымъ вопросомъ или возраженіемъ...

Это истязаніе (я не могу иначе назвать подобную форму экзамена) длилось ровно полтора часа! Захаржевскій не вступался въ экзаменъ и сидѣлъ молча; Бѣляевъ морщилъ лобъ, грызъ карандашъ и тоже молчалъ... Въ концѣ концовъ, Кр. еще разъ пожалъ плечами, скорчилъ физіономію въ какое-то подобіе улыбки и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Довольно-съ!

Прежде, чѣмъ я успѣлъ отойти отъ доски, онъ весьма отчетливо и ясно выставилъ въ трехъ графахъ три балла: 0—1—2... Я увидѣлъ эти баллы и вернулся на скамью ни живъ, ни мертвъ...

Блѣдный, измученный, обливаясь холоднымъ потомъ, я сидѣлъ на своемъ мѣстѣ въ такомъ состояніи, которое было близко къ самому мрачному отчаянію...

— Все пропало! — думалъ я.— Я долженъ буду остаться въ классѣ... Стыдъ и срамъ! И годъ потеряю!.. И изъ-за чего?!. Бился, работалъ, и все напрасно... Нѣтъ, ни за что не останусь!.. Лучше все брошу, и пойду въ юнкера! А потомъ мнѣ приходила на память мать и всѣ домашніе... Я думалъ, какъ меня встрѣтятъ дома, когда я вернусь съ экзамена и принесу извѣстіе о томъ, что я такъ торжественно провалился! Я зналъ заранѣе, что ко мнѣ будутъ несправедливы самые близкіе ко мнѣ люди, что они не повѣрятъ моимъ трудамъ и усиліямъ, что они станутъ упрекать меня незаслуженными укорами, отъ которыхъ уже заранѣе страдало мое уязвленное юношеское самолюбіе...

— «Нѣтъ! я не вернусь домой! Я разомъ порѣшу... Я...»

Но дальнѣйшее, весьма нелѣпое и ужъ совершенно нелогическое теченіе моей мысли было прервано тѣмъ, что около моей скамейки вдругъ почему-то появилась фигура А. Н. Бѣляева.

Попрежнему морща лобъ и грызя карандашъ, онъ, обращаясь ко мнѣ, чуть слышно процѣдилъ сквозь зубы:

— Да не смущается сердце ваше... Зайдите ко мнѣ послѣ экзамена на квартиру! — и, быстро повернувшись, скрылся за дверью.

Эти простыя слова пролили такой лучъ свѣта въ мракъ моей тревожной души, что я въ первую минуту не сразу могъ прійти въ себя. Мнѣ не вѣрилось: точно ли я разслышалъ? не почудилось ли мнѣ? Но нѣтъ! Слова запали мнѣ въ душу, глубоко запали... И чѣмъ болѣе я въ нихъ вдумывался, тѣмъ больше мнѣ уяснялся ихъ смыслъ...

— «Онъ, вѣроятно, наблюдалъ за мною?—думалъ я.—Онъ видѣлъ, что у меня было на душѣ! Этотъ человѣкъ—строгій и суровый, даже сухой на видъ — сумѣлъ заглянуть въ мою душу и

понялъ, что меня нужно утѣшить, ободрить, поддержать – спасти отъ отчаянія».

И хотя слезы признательности невольно туманили мнѣ очи, однако же я могъ уже спокойно досидѣть до конца экзамена и затѣмъ поднялся на квартиру инспектора, которая находилась тутъ же, въ зданіи гимназіи, въ верхнемъ этажѣ.

Мнѣ пришлось немного подождать и походить по маленькой пріемной, такъ какъ А. И. Бѣляевъ еще былъ занятъ какими-то хлопотами внизу, въ классахъ. Наконецъ, онъ явился, подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ серьезно:

— Вы, Полевой, должны мнѣ дать честное слово, что въ будущемъ году займетесь добросовѣстно повтореніемъ всего курса математики... Подъ этимъ условіемъ мы васъ всею конференціею отстоимъ и переведемъ въ VII классъ...

Я былъ такъ смущенъ, такъ взволнованъ, такъ пораженъ всѣмъ, что мнѣ пришлось въ тотъ день съ утра пережить и вынести, что даже не могъ отвѣчать порядкомъ на слова Александра Николаевича, а только поклонился ему молча...

— Ну, а теперь ступайте домой и успокойтесь! — добавилъ онъ съ доброй улыбкой. Я поклонился ему еще разъ и опрометью бросился бѣжать домой, обрадованный, оживленный, спасенный отъ отчаянья, которое, пожалуй, могло бы довести меня до какой нибудь весьма крупной глупости...

Слово, данное А. М. Бѣляеву, я сдержалъ. Все лѣто, живя на дачѣ, я занимался повтореніемъ ариѳметики, геометріи и алгебры; Захаржевскій, преподававшій математику въ VII классѣ, былъ учитель весьма спокойный и толковый, охотно отзывавшійся на всѣ вопросы мои, и, при повтореніи математическихъ наукъ, сумѣлъ закрѣпить у меня въ головѣ мои шаткія математическія свѣдѣнія. Благодаря ему, я кое-какъ справился и съ тригонометріей и на выходномъ экзаменѣ получилъ уже удовлетворительные баллы по всѣмъ математическимъ предметамъ, и даже по физикѣ, у Кр., который экзаменовалъ меня очень долго, старался сбить и запутать, но не сбилъ.

— —— —

Получивъ аттестатъ, я поступилъ въ тотъ же годъ (1857) въ университетъ, по историко-филологическому факультету. Втеченіе всего четырехъ-лѣтняго курса я ни разу не встрѣчался съ А.Н. Бѣляевымъ. Тотчасъ послѣ университета, женившись и поступивъ на службу въ провинцію, я бывалъ въ Петербургѣ рѣдко, проѣздомъ и на короткое время. Только ужъ во время лѣта 1870 года, поселившись въ Павловскѣ на дачѣ и часто ѣздя въ Петербургъ по дѣламъ, я какъ-то разъ столкнулся въ вагонѣ съ А. Н. Бѣляевымъ, котораго, слѣдовательно, не видалъ лѣтъ 12 слишкомъ. Онъ былъ неузнаваемъ: худой, желтый, болѣзненный, со впалыми, потухшими гла-

зами — онъ на себя не былъ похожъ... Я подошелъ къ нему Мы разговорились. Я узналъ, что онъ, оканчивая службу, принялъ мѣсто директора въ новой царскосельской гимназіи и жилъ постоянно въ Царскомъ Селѣ, гдѣ чувствовалъ себя нѣсколько лучше, чѣмъ въ душномъ и сумрачномъ Петербургѣ. Мало-по-малу разговоръ перешелъ къ самому жгучему изъ современныхъ педагогическихъ вопросовъ—къ классицизму, который тогда вносился очень рьяно въ наши гимназіи и доводился до весьма курьезныхъ крайностей.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста, оставьте этотъ разговоръ!—желчно и рѣзко сказалъ Александръ Николаевичъ.—Я и такъ чувствую, что меня въ гробъ сведетъ этотъ классицизмъ проклятый!

Поѣздъ, между тѣмъ, подошелъ къ Царско-сельской станціи, и мы разстались очень дружелюбно. Съ тѣхъ поръ мы и не видались съ А. Н. Бѣляевымъ. Мелькомъ слышалъ я о томъ, что у него по службѣ было много всякихъ непріятныхъ передрягъ и борьбы, что его понемножку оттерли, стараясь избавиться отъ него, какъ отъ человѣка «безпокойнаго», и выпустили въ отставку съ пенсіономъ. Вскорѣ послѣ того онъ и скончался въ Царскомъ Селѣ.

6-го октября 1891 года кружкомъ учениковъ и почитателей памяти покойнаго А. Н. Бѣляева, его портретъ, съ разрѣшенія высшаго начальства, былъ повѣшенъ въ актовой залѣ V гимназіи. Я узналъ объ этомъ изъ газетнаго объявленія, присутствовалъ съ удовольствіемъ на этомъ скромномъ торжествѣ — и еще разъ съ глубокимъ чувствомъ признательности вспомнилъ то, что было нѣкогда для меня сдѣлано этимъ добрымъ человѣкомъ и прекраснымъ педагогомъ... Миръ его праху!

П. Полевой.